

Линдон Р. Заметки по логике. М. : Мир, 1968.

Мазур Л. Н. Методы исторического исследования. 2-е изд. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2010.

Руднев В. П. Джон Уильям Данн в культуре XX века // Данн Дж. У. Эксперимент со временем. М. : Аграф, 2000. С. 5–14.

Уильямсон С. История клиометрики в США // Экономическая история. Обзорные / под ред. В. И. Бовыкина и Л. И. Бородкина. Вып. 1. М., 1996. С. 75–107.

УДК 94(47).084.3

С. В. Воробьев

«СВОЙ СРЕДИ ЧУЖИХ, ЧУЖОЙ СРЕДИ СВОИХ»:
КОММУНИСТЫ ЕКАТЕРИНБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ
В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ
(по материалам Всероссийской переписи членов РКП(б) 1922 г.)

В статье на основании статистических данных Всероссийской переписи членов РКП(б) 1922 г. рассматривается опыт участия коммунистов Екатеринбургской губернии в Гражданской войне в России. Отмечается, что более половины членов партии принимали участие в вооруженной борьбе с антибольшевистскими силами. Дается анализ боевого стажа коммунистов, занимаемых должностей и воинского звания в Красной армии, возраста, социального состава. Отмечается, что часть членов РКП(б) служила в рядах белой армии. Сроки пребывания в рядах белогвардейцев у большинства коммунистов были незначительными. Служба в рядах белых вооруженных формирований могла быть связана с отсутствием четких политических убеждений в период Гражданской войны, с принудительными мобилизациями, которые проводили колчаковские власти. Таким образом, анализ участия членов партии в Гражданской войне дает неоднозначные результаты.

Ключевые слова: Екатеринбургская губерния, коммунисты, РКП(б), партийная перепись, Гражданская война, Красная армия, белое движение, мобилизация, крестьяне, социальное положение.

Важное значение для характеристики коммуниста 1920-х гг. имеет его личный вклад в установление в России большевистской власти. Таким реальным вкладом в установление власти большевиков являлось участие в боевых действиях в период Гражданской войны против антисоветских сил. Необходимую информацию о боевом прошлом коммунистов позволяет получить Всероссийская перепись членов ВКП(б) 1922 г. В переписном бланке «А» переписи подробно спрашивается о военной службе члена партии (табл.VI). Особый интерес представляют следующие вопросы: в какой армии служил (царской, белой, зеленой, красной), в каком воинском звании, продолжительность службы и степень участия в боевых действиях.

Данные партийной переписи 1922 г. показывают, что более половины коммунистов Екатеринбургской губернии (54 %) воевали в рядах Красной армии. Из них около трети прослужили в армии до 1 года (32,2 %), еще около трети коммунистов (31,5 %) – от 1 года до 2-х лет, более двух лет служили в

рядах Красной армии 32,4 % партийцев. Более половины губернских коммунистов (54,4 %) проходили службу в качестве рядовых в регулярных соединениях, к командному составу принадлежало 14,7 %. Политработниками в составе РККА являлись 7,2 % членов партии. Таким образом, пятая часть коммунистов, служивших в Красной армии принадлежала к командно-политическому составу боевых частей.

Помимо этого, 10,7 % коммунистов Екатеринбургской губернии служили на командных и рядовых должностях во вспомогательных службах: административно-хозяйственные подразделения (завхоз, каптенармус, кладовщик и т.п.) – 2,7 %, медицинская служба (начальник госпиталя, фельдшер, санитар, сестра милосердия и т.п.) – 1,8 %; канцелярские работники (делопроизводитель, писарь, секретарь, помощник) – 4,4 %; техническая служба – телефонист, шофер, чертежник, слесарь, рабочий и т.п.) – 1,8 %. Часть коммунистов (3,9 %) не указала в какой должности или воинском чине они проходили службу в рядах Красной армии. Большинство губернских коммунистов, которые прошли через Красную армию, были людьми молодого или среднего возраста (до 39 лет) – 83,6 %, и лишь незначительная часть из них – 13 %, имели возраст от 40 до 49 лет.

Определенное число губернских коммунистов, прошедших через Красную армию, к 1922 г. заняли ответственные должности в партийно-государственных органах власти: 5,9 % из них стали партийными и советскими руководителями нижнего и среднего звена (секретари партийных ячеек, секретарь или член волкома/укома, председатель или член сельсовета, председатель или член волисполкома/уисполкома). Историки указывают на то, что такие члены партии, возвратившиеся с фронта и занявшие различные ответственные должности, принесли с собой командный, армейский стиль руководства. «Многие "по делу и без дела" склонны были размахивать маузером, а то и спускать курок» [Соколов, 1999, с. 104].

В то же время, как показывают результаты партийной переписи 1922 г., часть губернских коммунистов во время Гражданской войны находилась по другую сторону баррикад – служила на стороне противника в Белой армии. Таких среди членов партии в губернии оказалось 11,1 %. Возможно, что их в действительности было больше, но они не стали упоминать об этом факте, чтобы не портить себе биографию, не афишировали свое участие в белом движении. В период проведения партийной переписи Гражданская война в России подходила к концу, но еще не завершилась. Только в середине 1922 г. были закончены все важные военные операции, в том числе «направленные против повсеместно действовавших партизан и бандитов» [Левин, 1994, с. 252].

Большинство коммунистов, служивших в Белой армии (главным образом у Колчака), указывали на незначительные сроки своей службы — от 1 до

6 месяцев (74,2 %). Более длительное время (до 1 года) в рядах белых пребывало 19,8 % членов партии, от 1 года до 2 лет — 4,5 %. Число членов партии, который служил бы у белогвардейцев свыше двух лет оказалось весьма незначительным — всего 0,5 %. Незначительные сроки пребывания в рядах белогвардейцев большинства коммунистов свидетельствуют о том, что после освобождения Урала летом 1919 г. от колчаковских войск они не отошли вместе с отступающими частями, а остались на этой территории. Косвенным образом такое поведение показывает, что они скорее всего не являлись убежденными идейными сторонниками старого строя, а стали заложниками ситуации и пребывали в рядах Белой армии не в результате осознанного выбора. С одной стороны, будущие члены партии могли быть людьми, не имевшими в то время четких политических предпочтений: «Каждая сторона [...] имела очевидное ядро, вокруг которого напластовывались более широкие слои населения, нередко колебавшиеся, переходившие с одной стороны на другую» [Левин, 1994, с. 255]. И только после того, как окончательно определилась победившая сторона, они устремились в ее направлении.

Не нужно также забывать о насильственных мобилизациях, которые проводили враждующие стороны с целью пополнения своих вооруженных сил. Такие мероприятия практиковали в период Гражданской войны как большевики, так и антибольшевистские формирования. В Сибирскую армию А. В. Колчака периодически проводились мобилизации. Зимой-весной 1919 г. прошло несколько волн мобилизации. Как отмечает Д. Г. Симонов «в целом на территории Тюменского военного округа мобилизации прошли вполне успешно, хотя массового энтузиазма от предстоящей военной службы большинство призывников не испытывало» [Симонов, 2010, с. 40]. Рекрутирование новобранцев из числа призывных солдат пяти последних возрастов столкнулось со значительными трудностями. Так, в Ирбитском уезде в период мобилизации в марте 1919 г. от мобилизации уклонилось около 25 % призывников [Вебер, 2018, с. 86]. Нежелание попасть под мобилизацию подчас выливалось в открытое противостояние. Наиболее крупными эксцессами стали вооруженные восстания в Туринске (7 марта) и Тюмени (13 марта), в которых участвовало около тысячи мобилизованных [Симонов, 2010, с. 40]. Понятно поэтому, что такие «невольники» при благоприятных обстоятельствах старались избавиться от военных обязанностей, говоря иными словами, дезертировали, и не хотели рисковать жизнью ради идей, которых они не понимали или не разделяли. Также незначительные сроки службы будущих коммунистов в рядах Белой армии можно объяснить тем, что военное командование белых, чтобы избежать крестьянских бунтов, объявляло краткосрочные призывы в армию — сроком всего на три или шесть месяцев [Вебер, 2018, с. 84].

Значительная часть губернских коммунистов, служивших в Белой армии, на момент переписи были людьми молодого и среднего возраста (20–39 лет)

– 87,9 % (для сравнения: Красной армии таких было 80,3 %). Преобладание военнотружующих таких возрастов вполне объяснимо, т. к. в армию рекрутировали людей, способных эффективно вести боевые действия. В Пермской губернии в ходе мобилизаций в армию Колчака призывали мужчин в возрасте от 18 до 25 лет [Симонов, 2010, с. 39].

Будущие члены РКП(б), служившие в рядах Белой армии, так же как члены партии, воевавшие на стороне Красной армии, в своей основной массе являлись рядовыми (88,2 %), остальные относились к младшему командному составу (командир отделения, взвода, младшие и старшие унтер-офицеры) – 11,1 % или занимали должности младшего офицерского состава (командир роты, штабс-капитан, прапорщик) – 0,7 %. В любом случае, факт службы в Белой армии, вполне понятный в контексте жизненных перипетий бурной послереволюционной эпохи, с трудом соотносился с официальным образом коммуниста – убежденного борца за социалистические идеалы.

Ситуация в определенной мере проясняется при анализе социального положения до 1917 г. тех членов РКП(б), кто служил в рядах антибольшевистских сил до вступления в партию. По данным переписи, большинство из них (60,1 %) до 1917 г. являлось крестьянами, около четверти (24,3 %) относилось к числу “пролетариев” (рабочие – 18,6 % и ремесленники – 5,7 %), еще 8,3 % коммунистов до революции 1917 г. были служащими, 2,3 % членов партии на тот момент находились в статусе учащихся. Таким образом, можно сделать вывод о том, что служба в рядах Белой армии была характерна по большей части для членов партии, имевших крестьянское происхождение, что не удивительно, учитывая преобладание крестьян в социальной структуре Екатеринбургской губернии. В этом плане белые вооруженные формирования мало чем отличались от Красной армии, которая также в значительной степени являлась крестьянской.

В послевоенный период некоторые из коммунистов, имевших в своем послужном списке факт нахождения в рядах Белой армии, могли сделать карьеру в партийных и советских органах власти, заняв ответственную должность. Это порождало конфликты с теми коммунистами или беспартийными, которые воевали в годы войны на стороне советской власти. Гражданские войны всегда отличаются особой жестокостью воюющих сторон по отношению друг к другу. «Гражданская война еще менее различает правых и неправых, чем война между государствами» [Поляков, 1994, с. 66]. Послевоенное время не принесло умиротворения во взаимоотношения бывших противников. Бывшие красноармейцы критиковали новую власть за то, «что в ее ряды проникли бывшие белогвардейцы» Именно в проникновении бывших белогвардейцев в органы власти они «видели корень социальной несправедливости, царившей в Советской России в период НЭПа» [Скорик, Тикиджян, 2009, с. 234].

Таким образом, анализ данных партийной переписи 1922 г. относительно участия коммунистов в Гражданской войне дает неоднозначные результаты. Они показывают, что социальная и политическая реальности начала 1920-х гг. были не столь однозначными и упрощенными, как они рисовались в умозрительных и идеологизированных исторических конструкциях. Путь в ряды коммунистической партии был открыт не только для тех, кто с оружием в руках боролся за советскую власть, но он был возможен и для проявивших в годы Гражданской войны меньшую лояльность в отношении большевистского режима.

Список литературы

Вебер М. И. Мартовская мобилизация 1919 г. в колчаковскую армию на территории Ирбитского уезда Пермской губернии // Известия Урал. федер. ун-та. Сер. 2: Гуманитар. науки. 2018. Т. 20. № 1 (172). С. 80–92.

Левин М. Гражданская война: динамика и наследие // Гражданская война в России: перекресток мнений. М.: Наука, 1994. С. 252–276.

Поляков Ю. А. Гражданская война: начало и эскалация // Гражданская война в России: перекресток мнений. М.: Наука, 1994. С. 40–54.

Симонов Д. Г. Сибирская армия адмирала А. В. Колчака: организационная структура и комплектование личным составом (декабрь 1918 – июль 1919 г.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2010. № 4. С. 37–41.

Скорик А. П., Тикиджьян Р. Г. Иное понимание советской власти: история социальной борьбы «красных партизан» в 1920–1930-х гг. (на материалах Юга России) // Преподаватель XXI век. 2009. № 3-2. С. 230–238.

Соколов А. К. Курс советской истории. 1917–1940. М.: Высш. шк., 1999.

УДК: 93/94.070.331.1

М. А. Клинова

МОДЕЛИ ИМПЛИЦИТНОЙ РИТОРИКИ ТРУДОВОЙ МОБИЛИЗАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ: РЕКОНСТРУКЦИЯ НА БАЗЕ КОНТЕНТ-АНАЛИЗА МАТЕРИАЛОВ ПРЕССЫ 1946–1956 гг.*

В статье на основе контент-анализа материалов отечественных периодических изданий центрального, областного, городского и заводского уровней, изданных в период 1946–1956 гг. принята реконструкция имплицитной риторики трудовой мобилизации городского населения РСФСР. Реконструирована модель «правильной» трудовой деятельности, презентуемая в СМИ послевоенного десятилетия, включающая в себя мотивацию труда, практики труда и вознаграждение труда. На основе выявленной динамики востребованности лексем, характеризующих трудовую деятельность горожан, были выделены три модели риторики трудовой мобилизации, презентуемые в печатных СМИ послевоенного десятилетия. Это модель труда-подвига, презентуемая в прессе второй половины 1940-х гг., модель труда-вознаграждения (начало 1950-х гг.), и

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 20-09-00216А «Визуальные стандарты образа жизни советского городского населения после мировых войн: компаративный анализ».